

Киевские ведьмы

ЛАДА ЛУЗИНА

Тень Демона

ХАРЬКОВ • ФОЛІО • 2015

КИЕВСКИЕ ВЕДЬМЫ. ТЕНЬ ДЕМОНА

«Демон» — значит «душа».

Михаил Врубель

«Художник Михаил Александрович Врубель, я верю, что Бог простит тебе все грехи, так как ты был работником...»

*Священник Новодевичьего монастыря
во время похорон Михаила Врубеля*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Только осенние листья умеют умирать так красиво. Бордовые, красные, желтые, красно-жёлтые, красные с зелеными прожилками, они переливались колдовским золотом и тревожным кровавым багрянцем в ослепительном свете электрического фонаря.

Кладбище было старым, почти мертвым. Кладбище тоже может умереть. Вторая смерть приходит тогда, когда живые забывают своих мертвецов — и могилы уходят в землю, и кресты крелятся, как деревья, готовые пасть.

Это кладбище постигла иная участь — его закатали в землю, оставив «в живых» лишь малую парадную часть. Но в одну из ночей после первой Великой Пятницы пришло воскрешение.

Их было двое. Старшему исполнилось двадцать четыре, его волосы были светлы, а мысли — похожи на умирающие листья: багрянец мешался с зеленью, золото с ржавчиной, жажда правды с жаждой мести, а боль с затаенным страхом. И каждая, возжелавшая приглубить это лицо, могла порезать ладонь о его скулы; каждый, возжелавший заглянуть ему в глаза, мог проплыть через вечность и вынырнуть в аду или раю — как повезет.

Второй — невысокий и чернявый, с приятной, но совершенно незапоминающейся внешностью, был пьян, и в данный момент это было главной особенностью его характера.

— Не-е, ты по чесноку считаешь, что получится? — протянул он, поправляя красные дьявольские рога на макушке. Пластмассовые рожки подсвечивались изнутри и мигали во тьме.

— Да, — сказал светловолосый. Он неподвижно сидел, прислонившись спиной к прямоугольнику старого надгробия.

Чернявый скучал рядом, допивая бутылку пива. Было естественно тихо. Пахло влагой, но приятно — так пахнет в старом саду. Деревья, высоченные, старые, уходили голыми стволами-колоннами вверх, чтоб раскинуть свои ветви уже в небе.

— Я думал, мы так, ради шутки... — заныл чернявый.

— Ты вообще не думал.

— Так, может, пойдем?

— Хочешь — иди.

— Да ладно, — протянул чернявый не очень уверенно. — Уж посижу... интересно... наверное.

— Что тебе интересно?

— Посмотреть, как у тебя ничего не получится. — Чернявый гоготнул, радуясь собственной шутке. — Не-а, ты по чесноку хочешь увидеть тут мертвяков?

— Такая ночь. Увижу, — сказал тот убежденно.

— А какая сегодня ночь? Ты что-то рассказывал... я не все помню, — чернявый безуспешно сморщил лоб, по правде, он не помнил совсем ничего, кроме одного: он что-то забыл.

— Глухим два раза обедню не служат. Ты слышишь? — светловолосый встрепенулся, как охотничий пес от тихого шороха листьев, но то было только дуновение ветра. — Есть поверие. Тот, кто хочет узнать, умрет ли он в этом году, должен прийти в эту ночь на кладбище к родным могилам и ждать. В полночь из земли выйдут твои предки, все они пройдут пред тобой, и если последним в цепи окажешься ты сам...

— Ух ты! — испуганно ухнул чернявый, огляделся и понял, что почти протрезвел. — По-честному? По чесноку трупы мимо пройдут? Так ты хочешь себя увидеть или своих трупяков?

— И себя, и предков.

— А оно тебе надо? У тебя что — дома альбома семейного нет?

— Альбом есть... а в альбоме кое-чего не хватает.

— Вот мраки. И типа все мертвяки сейчас встанут? — Чернявый отвел гибкие ветви ивы, занавесившие фасад надгробия рядом с ним, опустил на корточки, поднес неверный, дрожащий в его руке огонек зажигалки к надписи на старой могиле. — Она, например? — 188... не пойму, какой-какой год? Дарина... или Ирина? Первые буквы затерты...

— Не смей произносить ее имя! — обрезал светловолосый так горячо, словно кровоточащий порез прижгли каленым железом, больно и наверняка.

— А чего нельзя?

— Ты мне надоел. Уходи отсюда...

— Да пожалуйста!

Опершись на надгробие, чернявый с трудом встал на ноги, пошатываясь, пошел прочь. И зачем только увязался за этим

чудилой — в юности они были друзьями, но, став старше, бывший друг слишком часто молчал, слишком многое недоговаривал, а когда договаривал, как сейчас, становилось лишь хуже. Но час назад, когда они гуляли по Крещатику в общей компании, разрядившись в маски и отмечая канун Хэллоуина, чернявый был весел, бесстрашен и пьян, и ему показалось, что идти пугать покойных на кладбище — это смешно. Теперь он был зол и ругал себя на чем свет — сидел бы сейчас рядом с той красивой студенткой, обнимал бы ее, а не надгробие какой-то Даши, почившей в 188... черт знает каком-то году.

Он все никак не мог найти выход.

Когда они пришли на «Аскольдову могилу», кладбище представлялось совсем небольшим, символическим, но тьма обманула его. Он пошел по изгибу покрытой мхом темной дорожки вверх, а оказался внизу — и кладбище шло вниз вместе с ним, спускаясь по горе ярус за ярусом, куда ни глянь — бесконечные белые кресты и надгробия, мраморные вдовы и плакальщицы. И на каждом дереве прибита икона — Божья Матерь, святитель Никола. Чернявый хотел перекреститься, да передумал — неудобно как-то креститься с пивом в руках. Он никогда не был тут, только проезжал много раз мимо круглой церкви-ротонды, напоминавшей ему карусель. И правильно, что проезжал.

«Аскольдова могила» — гниловатое место. Все равно что могила Авеля... А неподалеку «Зеленый театр», еще отец рассказывал, как ходил туда в юности, — там, у стен старой крепости, после Второй мировой был построен театр под открытым небом, он давно закрылся или сгорел, и на его останках тусовались подростки, искатели приключений, сатанисты, влюбленные. Отец называл это место «зеленкой» и любил повторять историю, как они с пацанами взъелись на одного хряка с их двора, послали его